

Н. Л. Пушкарева, А. В. Жидченко

Советские горожанки в годы хрущевской оттепели глазами англоязычных авторов

Пушкарева

Наталья Львовна

д-р ист. наук, проф.,
Институт этнологии
и антропологии РАН
(Москва, Россия)

Жидченко

Александр

Владимирович

канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Институт этнологии
и антропологии РАН
(Москва, Россия)

Финансирование

Исследование
поддержано
планом НИР ИЭА
РАН «Гендерные
исследования:
социально-
исторические
и культурно-
антропологические
перспективы»
и Программой РАН
«Этнокультурное
разнообразие
российского общества
и укрепление
общероссийской
идентичности»

Интерес ко времени надежд и иллюзий — хрущевской оттепели, как неофициально именуют десятилетие советской истории после смерти И. В. Сталина и до середины 1960-х гг., — ощущается сегодня повсюду. Кинокартины, живопись, фотовыставки, художественные произведения позволяют ныне живущим и неплохо помнящим то время современникам оценить, насколько точно удастся воспроизвести события полувековой давности. Очевиден и научный интерес к этому периоду. Тем важнее обратиться к зарубежной историографии и попытаться понять тех, кто из-за границы критически наблюдал за великим послевоенным экспериментом по созданию в СССР условий для «жизни по потребностям» (согласно Третьей программе КПСС 1961 г.).

Как сторонники гендерного подхода в социальной истории, мы считаем, что с конца 1950-х берет начало *revolutionary road* — «дорога перемен» — в отношении идеала семейной жизни и положения женщины, как в Европе, так и в США¹. Она привела шедших по ней ко второй волне феминизма и заставила пристально наблюдать за успехами решения женского вопроса в СССР. В конце 1960-х гг. тема жизни женщин в стране за железным занавесом вначале прорвалась в США на страницы работ литературоведов², следом — экономистов и социологов-советологов. Они заметили, в частности, успешность

советской экономики в использовании женских трудовых ресурсов (что отличало СССР от США, где замужние женщины чаще являлись домохозяйками), но выявленные успехи были увязаны ими с прямой эксплуатацией, занятостью женщин на низкооплачиваемых, вредных и опасных производствах при крайней малочисленности их на уровне принятия решений.

Иллюзией назвал социально-половое равенство в СССР автор книги «Роль и статус женщин в Советском Союзе» Д. Браун (Колумбийский университет), приведя много цифр и фактов, касающихся гендерных асимметрий в СССР в 1953–1964 гг.³ Выявляемые с помощью открытой статистики факты неравенства женщин в провинциальных городах в сравнении со столичными жительницами обнаружила и К. Неемайс (Университет Огайо) в диссертации «Благосостояние советских граждан: изучение региональной политики». Отметив, что в СССР о благосостоянии говорится лишь в связи с «социалистическим образом жизни», она противопоставила жизнь провинции и ее сложности для женщин — нормативной задаче Программы КПСС 1961 г., пообещавшей «высокий уровень доходов и потребления; решение жилищной проблемы». Автор справедливо отметила улучшение положения женщин со введением в действие социальных программ начала 1960-х гг., в особенности касавшихся общественного питания и круглосуточных детских садов⁴. В изданной в том же 1976 г. книге журналиста «Нью-Йорк Таймс» Х. Смита «Русские» тоже много говорилось о противоречиях советской экономической модели⁵.

Конец 1970-х гг. оказался богат на публикации по «истории женской мобилизации и включению женщин в программы национального развития» в СССР⁶. Так, Г. Лапидус (Калифорнийский университет), посвятив последний раздел книги «Женщина в Советском обществе» оценке перемен в социальном статусе женщин в пост-сталинский период, отметила «рост свободы выбора» для них, обнаружившийся благодаря развитию социальной сферы, успешной семейной политики. Описанное ею упрощение процедуры развода реально отразилось на репродуктивном поведении женщин, сразу сократив число детей в семье. Верно заметила она и гендерное неравенство в жизни семейной, очевидное при сопоставлении женских домашних трудовых затрат с мужскими, сохранение полового разделения труда⁷. Все публикации того времени об СССР — это скрупулезный анализ новейших советских программ «улучшения качества жизни» и главнейшей из них — массового жилищного строительства. Сравнивая достижения в СССР и в США, американцы признавали успешность советского опыта, оказавшегося в США неудачным⁸, но подчеркивали его «идеологический смысл», а также убеждали в том, что именно женщины стали основными бенефициарами новой социальной политики как традиционно ответственные за домашнюю сферу. Такая оборотная сторона новой реальности была видна в СССР не всем, а зарубежные аналитики как раз заметили рост женской внепрофессиональной загруженности при переезде из коммуналок в отдельные квартиры при всех преимуществах обновленной частной жизни и индивидуализма домашнего хозяйства⁹.

Новый этап в изучении социального статуса советских женщин в годы хрущевской оттепели связан с началом перестройки и последующим

распадом СССР. На фоне ослабления противостояния политических систем начала 1990-х гг. для западных ученых открылись новые темы, осмысляющие понимание женского вопроса с учетом прокреативных фетишей послевоенных лет¹⁰, равно как новые возможности работы в архивах. Добавился и такой источник (до второй половины 1980-х гг. почти не использовавшийся историками в качестве источника), как устные рассказы.

Отличительной чертой обобщающей монографии Л. Эттвуд (Университет Манчестера) «Новые советские мужчины и женщины: полоролевая социализация в СССР» было огромное число обработанных ею первичных документов. Цель — теоретически осмыслить влияние женского движения в странах Запада в конце 1960-х гг. на рост интереса к женской истории, в том числе и нашей страны, где женский вопрос был объявлен решенным. Автор пыталась найти «истоки советских стереотипных представлений о роли полов» и показать, что как раз с конца 1960-х гг. от этих стереотипов перестали избавляться и (напротив) закреплять их сентенциями о «настоящей» женственности и мужественности. Задачу такой «смены вех» Л. Эттвуд видела в достижении семейной стабильности, большего числа детей в семье, но и задача эта выполнена не была. По ее словам, вопреки прежним десятилетиям, в 1960-е гг. идеологи вновь заговорили о женской слабости и мужской силе, поскольку «доказать равенство прав женщин и мужчин оказалось в реальности намного сложнее, чем просто задекларировать это в законах»¹¹. Идеологи смогли обещать равноправие в делах профессиональных, но не в домашних и много твердили о материнском долге, отметила она. Таким образом, впервые (и именно в западной литературе) было проанализировано отличие марксистской концепции женской эмансипации и советской реальности, которая от той концепции сильно разнилась. Неслучайно за несколько лет до публикации книги Л. Эттвуд ее соотечественница, профессор Кембриджского университета М. Бакли, решила собрать под одной обложкой интервью с ведущими советскими учеными (главным образом, социологами), отвечавшими на вопросы, касавшиеся статуса женщин в Стране Советов, в том числе и в годы оттепели. Респонденты практически поголовно (и мужчины, и женщины) говорили о «женском предназначении», материнстве, тем самым опровергая все мечты о стирании неравенства и демонстрируя живучесть гендерных стереотипов даже в среде либеральной интеллигенции.

В то же время книга публициста Г. дю Плесси «Советские женщины: идущие по канату», наполненная точными наблюдениями и юмором, рассматривает период хрущевской оттепели как мишень для критических высказываний, касавшихся жесткого ущемления советских женщин в их репродуктивных правах¹². СССР в связи с этим был обоснованно приравнен автором к странам третьего мира. В известном смысле этот вывод перекликается с материалами Л. Эттвуд: несколькими годами позже она собрала печальные истории женщин, живших в 1960-е гг. и на себе испытавших «прелести» советской медицины и роддомов¹³. В середине 1990-х гг. «женская тема» у англоязычных авторов, изучающих Россию и СССР, получила настолько большое признание, что вышли в свет первые обобщающие библиографии с удобным справочным аппаратом¹⁴.

Как и ранее, оставались востребованными исследования по теме женского труда в послевоенном СССР. В книге Д. Филцера (Кембриджский университет) «Советские рабочие и десталинизация» предстала неприглядная картина эксплуатации советских женщин посредством их привлечения к неквалифицированному малооплачиваемому труду, что «давало советским директорам лишний стимул не спешить с механизацией производства»¹⁵. Согласно выводам этого советолога, советские работницы трудились в отраслях и сферах, где у них было мало возможностей вести переговоры с руководством и много поводов безропотно выполнять распоряжения; автор констатировал, что женщины в СССР часто занимали самые низкооплачиваемые должности.

В начале 1990-х гг. вышла работа С. Бойм (Университет Гарварда) «Места общего пользования: мифология повседневной жизни в России», целью которой было вскрыть неписанные правила жизни советских людей, подчас неосознанно повторяющих те или иные обыденные действия, привычные их родителям и бабушкам¹⁶. Поскольку автор (прожив первую часть жизни в СССР) хотела изучить непроговариваемое, но привычное («неписанные законы, которые конструируют культуру и идентичность»), расставляя изучаемые ею явления на шкале времени, ей удалось сравнить коммуналки сталинского периода с «хрущобами» 1960-х гг., в которых и зародились кухонные разговоры (маркер повседневности времен стагнации). О женщинах в книге сказано много, тем более что автор по себе знала, как именно женщины в советской стране «создавали личное пространство в коллективном жилье»¹⁷.

Противоречивость повседневной жизни советских женщин в 1960-е гг. (отдельные квартиры, помощь одиноким матерям, выдача паспортов сельским жительницам — и в то же время отсутствие контрацепции, домогательства на работе и т. д.) были ярко высвечены и в сборнике из восьми женских биографических историй, составленном американкой Б. Энгел и русской эмигранткой А. Посадской-Вандербек. Книга «Своя революция: голоса женщин в советской истории»¹⁸ сообщала типичное из жизни представительницы разных социальных слоев (крестьянка, работница, предпринимательница, дочь бывшей дворянки, воспитанница сельского священника и т. д.). И в каждом воспоминании было перечисление тех деталей повседневности, которые позволяли респонденткам гордиться общественными достижениями в СССР, несмотря на жизненную цену, которую каждая из них была вынуждена заплатить. Эмоционально и ярко отобразила это и «женская советская литература», родившаяся — как было доказано Б. Сатклиффом, ныне оксфордским профессором, а тогда еще аспирантом¹⁹, — как раз в 1960-е гг.

Рубеж нового тысячелетия, отмеченный в России «теоретико-методологической слабостью исторической науки»²⁰, в англоязычных странах никакой «слабости» не обнаружил, тенденции очевидного для конца XX в. антропологического поворота в гуманитарном знании были продолжены. Женская тема все так же была его частью, и интерес к недавнему российскому прошлому сохранялся, хотя период хрущевской либерализации оставался одним из наименее изученных. Исключением стало исследование, посвященное влиянию

«воспитательной литературы» (руководств по этикету, гигиене и домашнему хозяйству) на изменения в российской идентичности, написанное профессором-русистом из Оксфорда К. Келли. Главной отличительной чертой этого времени она сочла обучение советских женщин умению «учиться быть похожими на западных женщин», поскольку это был период мучительного отрыва от социалистической традиции, в которой домашняя жизнь (и «непродуктивность» связанного с нею труда) «была полем иррациональности, непокорности и потенциально даже контрреволюции»²¹.

Действительный прорыв в изучении социального статуса советских женщин в 1950–1960-е гг. связан с именем профессора истории искусств С. Е. Рейд (Университет Пенсильвании). Когда-то с ее небольшой статьи о «холодной войне на кухнях» и смене предпочтений во вкусах советских горожанок начались систематические исследования на Западе женской истории «в СССР в годы Хрущева»²². В сборнике, отредактированном С. Рейд, а также ее вышеупомянутой единомышленницей Л. Эттвуд и профессором университета в Глочестере в Великобритании М. Илич²³, представлены самые разные стороны жизни советских горожанок (в меньшей степени — колхозниц) в широком контексте экономических, политических, идеологических и международных событий с начала 1950-х гг. и до периода экономической стагнации. Профессиональный женский труд и использование женщин на низкооплачиваемых работах, жизнь «целинниц» в сравнении с повседневностью столичных горожанок, семейная и домашняя обыденность, брачные нормы и сексуальные практики, традиционная для таких сборников по женской истории тема воспитания детей и воспроизводства при этом гендерных стереотипов²⁴ — все так или иначе попало в круг зрения одиннадцати авторов этого труда. Как советолог, М. Илич уделила большое внимание общественной стороне женской повседневности, показав значимость возрожденных в то время «женсоветов» и придя к выводу о том, что они выполнили свою функцию, сумев отвлечь женщин от домашней рутины и вовлечь в «обсуждение общественных, даже политических дел»²⁵. Финская исследовательница М. Лильестрём показала, сколь значимо женское письменное слово в период, когда вновь стало возможным для женщин вести дневники и писать воспоминания (что, как показывает автор, в годы сталинизма сопровождалось значительными рисками), как усилился на рубеже 1950–1960-х гг. дискурс гендерного равенства и как условны формы «морального публичного аргумента, основанного на правдивости и фактичности». С одной стороны, советские женщины в то время «писали себя» и вписывали в официальную историю, были очевидцами эпохи. С другой — создавали свои «отчеты» под негласным наблюдением, с опасением быть раскрытыми (как было всего пару десятилетий назад), т. е. их «речевые позиции» были отрегулированными, а пространство для запоминания отделено границами гендерных стереотипов о разрешенном и запретном²⁶. Необычную и неизвестную советским исследователям историю хрущевских программ освоения целинных и залежных земель предложила и М. Пол (университет Индианы), показав, что воспоминания «целинниц» о временах их юности сохранили множество свидетельств голода, холода, домогательств, но они все равно рассказывают о том

времени с гордостью соучастия в значимом социальном проекте²⁷. Стоит подчеркнуть, что зарубежные авторы, творившие в те самые «гендерные 90-е»²⁸, которые в постсоветской России были отмечены огромным интересом к подходам западноевропейской историографии (внезапно ставшей доступной для чтения), старались сами отойти от оценок времен холодной войны и добиться максимальной объективности.

Одновременно с вышеуказанным английским сборником в Англии увидела свет обобщающая монография Б. Энгель (Кембриджский университет) о трех веках женской истории в России, открывшая новую интерпретацию российского прошлого сквозь призму гендерной концепции²⁹. «Эра Хрущева» предстала в этой книге эрой «бэби-бума» в послевоенном СССР, однако это не совсем так: до 1956 г. высокую рождаемость обеспечивал запрет аборт, а как раз в годы оттепели семьи жестко переориентировались на малую детность, используя открывшиеся возможности приватности и жизни «для себя».

Это подтвердили и конкретно-исторические исследования специалистов по истории частной жизни, вышедшие в свет буквально вслед за этой монографией в феминистской научной прессе³⁰. Речь в них шла о технологической революции, появлении домашних помощников (стиральных машин, холодильников, пылесосов, миксеров, тостеров, телевизоров), которые изменили образ жизни советских женщин, в особенности в крупных городах, дав пространство для их личностного роста³¹. В одной из первых статей, анализировавших дизайн советских кухонь с точки зрения гендерного подхода, профессор Школы искусств Университета Пенсильвании С. Рейд показала, как складывалась мифология этого частного пространства, «свободной от идеологии зоны искренности женщин» (да и всех советских людей), женской спонтанности и «принадлежности самой себе»³². При этом освобождение, «обещанное новой советской кухней», согласно задумкам идеологов, должно было быть достигнуто без фундаментальных изменений в гендерных структурах повседневности. Практика же показала, что именно поэтому кухни превратились для женщин в новый источник угнетения, «вторую рабочую смену» (мыть, готовить), в поле эмоционального напряжения: не все желанное можно было купить, это еще надо было «достать».

Тема «нового быта», оснащенного желанной и нужной женщинам техникой, быстро стала ведущей в публикациях англоязычных специалистов по истории частной жизни в СССР, ей уделялось особое внимание и в обобщающих трудах по истории оттепели³³ и в исследованиях «кухонных споров», сформировавших советское диссидентство³⁴.

Д. Филд в книге «Частная жизнь и коммунистическая мораль в хрущевской России» изучила взаимосвязь между реформами 1960-х гг. и концепциями приватности и семейной жизни (интимные связи, индивидуальные интересы, противопоставляемые общественным)³⁵ — это они подарили женщинам новое самоощущение в домашней и внедомашней сфере (об этом автор писала и в своей ранней работе о «непримиримых разногласиях» между общественным и частным в жизни женщин). С одной стороны, десталинизация с ее реформами в области семейной политики благоприятствовала приватности и позволяла

женщинам самим регулировать рождаемость (отмена запрета на аборты, упрощение развода); с другой — настаивала автор — давление на социальное поведение женщин, принятие ими жизненных решений лишь усилилось, изменив свои формы, и слежка за соответствием женщин нормативному идеалу перешла домкомам, дружинам, общественным судам на базе профсоюзных, комсомольских, партийных ячеек.

В начале 2000-х гг. «женские исследования» хрущевского периода рождали интерес и к «мужской истории», размышлениям о том, как новый женский статус повлиял на статус мужчины в советском обществе³⁶. В связи с этой темой в диссертации лектора Сёдертёрнского университета (Швеция) Ю. Градской «Советские люди с женскими телами» прозвучала проблема укорененности стереотипов в описании советской женской истории западными авторами. Во множестве публикаций, заметила она, звучит безапелляционная убежденность в том, что советские женщины работали без устали против воли, вынужденно отказывались от личной заботы о детях, отдавая их в ясли и детсады. Западные аналитики редко изучали женскую историю в городах, далеких от столиц, но зато отлично владели методиками сбора и анализа информации, почерпнутой из «женских устных историй»³⁷. Теоретическую основу ее работы составили концепты выдающихся культурологов (М. Де Серто, Дж. Батлер), феминистских теоретиков (К. Уэст и Д. Циммерман), автора концепции интерсекционности Нины Люкке. Проанализированные архивные и другие источники позволили Ю. Градской прийти к важным выводам. Один из них касался медикализации материнства в СССР, связавшей «идеи гигиены, государственного благосостояния и социального обеспечения», подавившей не только идею домашних родов и сознательного родительства, но и превратившей материнство в «занятие». Другой вывод касался усвоения советскими горожанками основных официальных дискурсов, умения их модифицировать и адаптировать сообразно нормам здравого смысла (например, находя баланс между ожидаемой «скромностью» одежды и прорывавшимися с Запада модными трендами).

В меньшей степени диссертация Ю. Градской касалась темы отдельных квартир как пространства женской приватности — одного из наиболее значимых событий социальной истории того времени³⁸. Зато эту тему не обошла вниманием новая книга британки Л. Эттвуд. Не случайно о «малогабаритках» в СССР как о пространстве адюльтера и женской свободы советологи уже вовсю заговорили на страницах журналов³⁹. Книга Л. Эттвуд содержит культурно-антропологический анализ смены форм жилого пространства на протяжении советской истории, в том числе — историю «хрущоб» как пространства женской повседневности в послевоенном СССР. В особой главе «Каждой семье — отдельную квартиру» автор размышляла о том, что массовое участие самих советских горожанок в строительстве дешевого жилья в тот период создало почву для гендерного равенства, поскольку в стройбригадах женщины были задействованы наравне с мужчинами⁴⁰. В то же время, отметила она, именно женщины были «недопредставлены» в руководстве жилищных кооперативов времен оттепели по причине нехватки свободного времени для внесемейных дел и неуверен-

ности женщин в своем праве командовать кем-то. Она подчеркнула значимость пропагандистской кампании в женских журналах, предлагавших читательницам (строителям, малярам, работницам предприятий) «не просто заниматься готовкой в своих новых квартирах, но и физически самим строить» свои жилища «быстро, дешево, хорошо», оставаясь при этом женственными и подчеркивающими свою молодость, здоровье и красоту.

Образ женщины-оператора строительного крана виделся западным аналитикам символом гендерного баланса, женской компетентности в мужской профессии, широты брачного рынка для тех, кто видел работу в мужском коллективе средством облегчения поиска брачного партнера⁴¹. Обратной стороной насыщения рынка малометражным жильем, совершенно верно замечали исследовательницы, было быстрое перерастание семей из нуклеарных (муж, жена, дети) в многопоколенные, что оборачивалось для женщин адом сосуществования на малом пространстве нескольких поколений одной семьи. Интересен не только проанализированный авторами известный вклад бабушек в советское воспитание, но и возрождение практики найма частных нянек⁴². Дискурсивный анализ текстов «Работницы» позволил сделать вывод о том, что в начале 1960-х гг. на страницах советской периодики вновь появился умышленно забытый со времен революции 1917 г. и строительства «нового быта» 1920-х гг. термин «домохозяйка». Он был условным, но отразил новую реальность: переезды в отдельные квартиры сопровождались многословием о новых формах существования женщин и их семей в многоквартирных домах и «микрорайонах» (тоже лексема 60-х). Советские идеологи старались все так же наблюдать за женщинами, делали вывод авторы, но новая конфиденциальность и приватизация семейной жизни осложняли им эту задачу⁴³.

С. Рейд как искусствовед заметила две разных реальности — ту, что идеально планировали архитекторы, и ту, что трансформировала любые планы, причем креативная функция женщин в этом деле была для нее очевидна. Варианты оформления отдельной квартиры, огромный интерес к декоративному текстилю и журналам, где можно было почерпнуть идеи обустройства, — все это было скорее всего освоено именно женской частью советских горожан⁴⁴. Тогда же К. Варга-Харрис (университет Иллинойса), анализируя особенности интерьера новых квартир в СССР, заметила перемены во вкусах горожанок. «Женщин сделали ответственными за новый быт» и «сохранность традиции мужских социальных атрибутов (порядок, бережливость, продуктивность)», писала она; и замена шелковых абажуров, хрусталя и плюшевых скатертей новой лаконичной мебелью и фаянсовой посудой отобразила в ее исследовании «моральную мифологию оттепели». Действительно, «малогабаритки» позволяли женщинам в СССР иметь свои отдельные микромиры, пестовать творческую свободу в выборе мебели и декора — аналогично американкам, воплощавшим в своих домах «американскую мечту». О таком женщины в СССР и думать не могли, доказала Ю. Градскова⁴⁵, ведь СССР был обществом нехваток и потому даже стремление к лаконичной мебели и одежде шло не от моды, а от бедности; женщины принимали ее как неизбежность и редко старались из нее вырваться. Это подтвердила и К. Кольер (Государственный университет Нью-Йорка),

показав в работе о гендерной дихотомии в советском кино, что женщин в советских фильмах изображали нежными и милыми, но не слишком активными социальными акторами, весьма традиционными в мыслях и поступках⁴⁶.

Для последнего десятилетия развития англо-американской историографии характерны разногласия в восприятии частной жизни советских людей в годы оттепели, и возникли они в связи с невозможностью дать единую оценку качеству и содержательности духовной, общественной и частной жизни всех советских женщин, живших тогда: разные слои населения, город и деревня по-разному переживали реформы 1950–1960-х гг. Эта тема живо обсуждалась на конференции, прошедшей в 2010 г. в г. Блумингтоне (Индиана)⁴⁷, по итогам ее дискуссий участники опубликовали сборник статей⁴⁸. Среди авторов фигурируют уже упомянутые Д. Филд, С. Рейд (известны ее публикации, где сопоставляется жизнь женщин в годы оттепели и застоя)⁴⁹, К. Варга-Харрис. Все авторы сходились лишь в том, что существовал разрыв между идеальными представлениями об эмансипации женщин и реальностью. Некоторые видели в самом поиске женщинами новой мебели и товаров народного потребления радостные хлопоты, другие акцентировали внимание на том, что они уводили женщин от самореализации вне дома⁵⁰.

Говоря о 1960-х гг., К. Варга-Харрис назвала отдельные квартиры «ключевым компонентом новой жизни женщин», поскольку реформа, казалось бы, должна была облегчить им бремя домашней работы. Обставленные функциональной мебелью, оснащенные бытовой техникой, они призваны были обеспечить новый уровень потребления, о котором мечтали «гражданки»⁵¹. Но благая цель, считала автор, обернулась для женщин обновлением форм контроля за их мыслями и поступками. Женщинам в те самые 1960-е гг. стали внушать, что главная их функция — выполнение естественного предназначения (рожать, кормить, воспитывать новых строителей коммунизма), их перестали звать к освоению «мужских профессий», предлагая обеспечивать уютom мужской быт. Автор привела пример столкновения разных представлений о «женском освобождении», проанализировав короткие комментарии Н. С. Хрущева и приглашенного им в 1959 г. на открытие американской выставки в Сокольниках Р. Никсона. Американский президент говорил на встрече об устройствах, которые «освобождают женщин», о демократичных ценах на них, и советскому руководителю, по сути, не было что ответить.

Объяснение причин того символического противостояния советского и американского (в его гендерном аспекте) можно найти в публикациях украинки, вписавшейся в американскую парадигму оценок домашней жизни в СССР, Е. Стяжкиной (Донецкий университет). Еще в 2012 г. она отметила, что простой акт покупки повседневных товаров всегда имел разное значение для мужчин и женщин в СССР, «поощряя мужскую пассивность и женскую ответственность в семье» и порождая сложное отношение к *мещанкам*, «бездуховным обывательницам», якобы только и думающим, что об одежде, мебели, посуде⁵². В таких мещанках советских идеологов пугала их невосприимчивость к восприятию высоких моральных идеалов, заикленность на себе, активность в достижении поставленных целей (достать, купить, добиться). В недавно изданной

коллективной монографии «Приправленный социализм: гендер и питание в позднесоветской повседневности» Е. Стяжкина стала соавтором раздела «Производители, поставщики, потребители: сопротивление и согласие в советском духе», где говорится о гендерных асимметриях в сфере «добывания» съестного, в особенности — престижной еды. Е. Стяжкина выявила гендерную маркированность процесса ее добычи: икру, коньяк, кофе «доставали» мужчины, редкости для пирогов — женщины; жарка стейков и шашлыков были сферой «мужского господства», а сотворение торта «Наполеон» — женского⁵³. Новая тема в женской истории, сопряженная с этнографией питания, — это и новые источники. За несколько лет до выхода в свет «Приправленного социализма» в журнале «Гастрономия» (Калифорния) появилась важная с методической точки зрения статья А. Лахтиковой о домашних блокнотах с рецептами, которые в 1960-е гг. вели многие женщины в СССР. Эти рукописные кулинарные книги отражали стремление их хозяек соединять желаемое с наличествующим набором продуктов, заменять одни другими, создавая свои кулинарные шедевры и находя путь выплеску творческих устремлений⁵⁴.

Подводя итог, можно назвать англоязычную историографию женской повседневности периода оттепели «первооткрывательницей» критического отношения к этой странице советской истории. И хотя долгое время эта тема не была выделена в самостоятельную, но исследования англо-американских авторов внесли немалый вклад в ее изучение. Оценки происходившего в стране, якобы строившей коммунизм, сильно зависели от идеологии и политической конъюнктуры; потому с перестройкой и попытками преодолеть отчуждение государств изменился и градус критичности⁵⁵. Отличия в стремлениях жительниц СССР от мечтаний англичанок и американок, настойчивость идеологов, полагавших, что в СССР женский вопрос давно решен, — ничто не ускользало от пристального взгляда зарубежных советологов.

Они традиционно сосредоточивали свое внимание на женских локусах повседневной жизни — квартире, кухне, магазине. Поэтому из поля их зрения почти выпала тема женского труда в СССР тех лет, статистика затрат рабочего времени женщин, которые наравне с мужчинами трудились на сложных технических производствах, строили дороги и мосты, плавил металл, преподавали в вузах, дежурили на нефтяных вышках. Зато эту практически незнакомую американским домохозяйкам 1960-х гг. часть женской повседневности изо всех сил воспевали в Советском Союзе — в газетных статьях, художественных произведениях, песнях, кино; не была исключением и сфера науки. Акценты англоязычных исследователей, степень их интереса к разным сферам женской жизни на протяжении полувека не раз менялись. Если до начала 1990-х гг. в центре внимания были вопросы потребления, то в последние годы акцент сместился на сторону «женского мира» — тех уголков «женской свободы», в которых женщины могли следовать моде, вырабатывать собственные нормы жизни даже на шестиметровых кухнях в «хрущобах». По мнению большинства авторов, массовое жилищное строительство и обретение каждой семьей отдельной квартиры приблизило женщин к западному идеалу повседневности. Несмотря на то, что в 1960-е гг. западная экономика была «потребительской»,

а советская «дефицитной», само стремление советских властей предоставить женщинам желанные предметы быта, открыть возможности самостоятельной организации внутрисемейного пространства в бесплатных отдельных квартирах — заслужило одобрение западных исследователей.

¹ *Йеймс Р.* Дорога Перемен / пер. с англ. А. Сафронова. М., 2009. 238 p.

² *Gasiorowska X., Żytomirska X.* Women in Soviet Fiction, 1917–1964. University of Wisconsin Press, 1968. 170 p.

³ *Brown D.* Role and Status of Women in the Soviet Union. New York: Teachers College Press Columbia University, 1968.

⁴ *Nehemiah C.* Welfare policy in the Soviet Union: a study in regional policy-making. The Ohio State University, 1976. P. 17.

⁵ *Smith H.* The Russians. New York: Quadrangle; New York Times Book Co, 1976. P. 115–120.

⁶ *Moses J. C.* The Politics of Female Labor in the Soviet Union // Western Societies Program Occasional Paper Ithaca. NY: Cornell University, 1978. No. 10. P. 46–48.

⁷ *Lapidus G. W.* Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. University of California Press, 1978. P. 232–270.

⁸ *Hansman B.* Images of America. Arcadia Publishing, 2017. 128 p.

⁹ *Smith H.* The Russians. New York: Quadrangle; New York Times Book Co., 1976. 527 p.

¹⁰ *Browning G.* Soviet politics — where are the women? // Soviet Sisterhood. Barbara Holland (ed.) London: Fourth Estate Books, 1985. P. 221; *Buckley M.* Soviet social scientists talking: an official debate about women. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 1986. 107 p.

¹¹ *Attwood L.* The new Soviet man and woman: sex-role socialization in the USSR. Bloomington: Indiana University Press, 1990. P. 10–11.

¹² *Du Plessix Gray F.* Soviet Women. New York: Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1990. 212 p.

¹³ *Attwood L.* Hearing a Woman's Voice: Female Perspectives on Change in Russia and the Former Soviet Union // Journal of Women's History. 1996. No. 2. P. 181–190.

¹⁴ *Ruthchild R.* Women in Russia and the Soviet Union: an annotated bibliography. New York: G. K. Hall, 1993. 203 p.

¹⁵ *Filtzer D.* Soviet Workers and De-Stalinization. The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations 1953–1964. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 272.

¹⁶ *Boym S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1994. P. 5.

¹⁷ *Ibid.* P. 184.

¹⁸ *Engel B., Posadskaya-Vanderbeck A.* A revolution of their own: voices of women in Soviet history. Routledge, 1998. 252 p.

¹⁹ *Sutcliffe B. M.* Engendering *byt*: Russian women's writing and everyday life from I. Grekova to Liudmila Ulitskaia. MA, University of Pittsburgh, 1999. 290 p.

²⁰ *Логунов А.* Трансформация образа отечественной исторической науки в середине 90-х гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2009. № 4. С. 88–92.

²¹ *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford UP, 2001. 240 p.

²² *Reid S. E.* Cold War in the Kitchen: Gender and the De-Stalinization of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev // Slavic Review. 2002. Vol. 61. P. 216–249.

²³ *Рейд С. Е.* Быт — не частное дело: внедрение современного вкуса в семейную жизнь // Семейные узы. Модели для сборки / под ред. С. А. Ушакина. М., 2004. С. 360–391; Women in the Khrushchev era / eds: M. Ilić, S. Reid, L. Attwood. Basingstoke (Hampshire); New York: Palgrave Macmillan, 2004. 254 p.

²⁴ Women in the Khrushchev era. P. 177–180.

²⁵ *Ibid.* P. 5–20.

- ²⁶ *Liljeström M.* Monitored Selves: Soviet Women's Autobiographical Texts in the Khrushchev Era // *Women in the Khrushchev era*. P. 131–148.
- ²⁷ *Pohl M.* Women and Girls in the Virgin Lands // *Women in the Khrushchev era*. P. 52–74.
- ²⁸ *Жеребкина И.* Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб., 2003. 190 с.
- ²⁹ *Engel B.* Women in Russia, 1700–2000. Cambridge: Cambridge UP, 2004. 275 p.
- ³⁰ *Kolchevska N.* Angels in the Home and at Work: Russian Women in the Khrushchev Years // *Women's Studies Quarterly*. 2005. Vol. 33. P. 115–17; *Reid S.* The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution // *Journal of Contemporary History*, Apr 2005. Vol. 40 (2). P. 289–316.
- ³¹ *Reid S.* Khrushchev Modern. Agency and modernization in the Soviet home // *Cahiers du monde russe*. 2006. Vol. 47, no. 1. P. 227–268.
- ³² *Reid S.* The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution // *Journal of Contemporary History*. 2005. Apr. Vol. 40 (2). P. 208.
- ³³ *Ilič M., Smith J.* Soviet state and society under Nikita Khrushchev. London; New York: Routledge, 2009. P. 108–112.
- ³⁴ *Yale R.* The 1959 Kitchen Debate (or, how cultural exchanges changed the Soviet Union) // *Russian Life*. 2009. Vol. 52 (4). P. 47–49.
- ³⁵ *Field D.A.* Irreconcilable Differences: Divorce and Conceptions of Private Life in the Khrushchev Era // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57 (4). P. 599–613.
- ³⁶ *Ashwin S., Lytkina T.* Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization // *Gender & Society*. 2004. 18 (2). P. 189–206.
- ³⁷ *Gradskova Y.* Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s. Academic dissertation for PhD at Stockholm University. Stockholm, 2007. P. 11–12.
- ³⁸ *Smith M.B.* Property of communists: the urban housing program from Stalin to Khrushchev. 2010. DeKalb: Northern Illinois University Press. 240 p.; *Harris S.* Moving to the Separate Apartment: Building, Distributing, Furnishing, and Living in Urban Housing in Soviet Russia, 1950s–1960s, Vol. 3. 1976. 1190 p.
- ³⁹ *Cohn E.* Sex and the Married Communist: Family Troubles, Marital Infidelity, and Party Discipline // *The Russian Review*. 2009. 68 (3). P. 429–450.
- ⁴⁰ *Attwood L.* Gender and housing in Soviet Russia: private life in a public space. Manchester (UK): Manchester University Press, 2010. P. 160.
- ⁴¹ *Varga-Harris C.* 1) Homemaking and the Aesthetic and Moral Perimeters of the Soviet Home During the Khrushchev Era // *Journal of social history*. 2008. Vol. 41, iss. 3. P. 560–589; 2) Stories of house and home: Soviet apartment life during the Khrushchev years. Ithaca; London: Cornell University Press, 2015. 267 p.; *Brusilovskaia L.* The Culture of Everyday Life During the Thaw // *Russian Studies in History*. 2009. Vol. 48 (1). P. 19–20.
- ⁴² *Carlbäck H.* Women — Wives or Workers? Discourses and Practices in Sweden and Soviet Russia in the 1960s // *Gender, Equality and Difference: From State Socialism to the Postsocialist Era* / ed. by Rebecca Kay. Glasgow; London: Palgrave, 2009. P. 98–102.
- ⁴³ *Attwood L.* Gender and housing in Soviet Russia. P. 162.
- ⁴⁴ *Reid S.* Communist Comfort: Socialist Modernism and the Making of Cosy Homes in the Khrushchev Era // *Gender & History*. 2009. Nov. Vol. 21, iss. 3. P. 465–498.
- ⁴⁵ *Gradskova Y.* Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s. Academic dissertation for PhD at Stockholm University. Stockholm, 2007. 255 p.
- ⁴⁶ *Collier K.S.* Evolving Ivans and Static Soviet Women: The Gender Dichotomy in Film Portrayals of Russian Men and Women in Western Films (1939–2010) // *History Master's Theses*. URL: https://digitalcommons.brockport.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=hst_theses (дата обращения: 10.11.2020).
- ⁴⁷ *Пушкарева Н.Л.* История повседневности: междисциплинарный подход. 13–15 мая 2010 г., Блумингтон (штат Индиана), США // *Антропологический форум*. 2011. № 14 Online. С. 457–470. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/pushkareva.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴⁸ *Everyday Life in Russia Past and Present* / ed. by Ch. Chatterjee, D.L. Ransel, M. Cavender, K. Petrone. Bloomington: Indiana University Press, 2015.

⁴⁹ *Reid S.* Cold War binaries and the culture of consumption in the late Soviet home // *Journal of Historical Research in Marketing*. 2016. Vol. 8, iss. 1. P. 17–43.

⁵⁰ *Leykin I.* Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life after Stalin. By Steven Harris // *Anthropology of East Europe Review*. 2014.

⁵¹ *Varga-Harris C.* Stories of house and home... P. 119.

⁵² *Stiazhkina E.* The «Petty-Bourgeois Woman» and the «Soulless Philistine» Gendered Aspects of the History of Soviet Everyday Life from the Mid-1960s to the Mid-1980s // *Russian studies in history*. 2012. Vol. 51, iss. 2. P. 63–97.

⁵³ *Seasoned Socialism: Gender and Food in Late Soviet Everyday Life* / ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington: Indiana University Press, 2019. 293 p.

⁵⁴ *Lakhtikova A.* Emancipation and Domesticity: Decoding Personal Manuscript Cookbooks from the Soviet Union // *Gastronomica*. 2017. 17 (4). P. 111–126.

⁵⁵ *Большакова О. В., Пушкарева Н. Л.* Гендерные исследования российского XX века глазами современных англоязычных авторов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65, вып. 1. С. 318–328. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.119>.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2020 г.

Рекомендована в печать 10 мая 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Советские горожанки в годы хрущевской оттепели глазами англоязычных авторов // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 3. С. 776–791. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.313>
УДК 94 (47)

Аннотация: Статья призвана дать оценку результатам исследований быта и повседневной жизни советских женщин в 1950–1960-е гг. в англо-американской историографии, в которой сложилось проблемное поле с собственными границами, сюжетами и поисковыми задачами, устоявшимся кругом источников. Немалое значение в исследованиях имели биографические интервью, рассказы женщин, помнящих то время (в отличие от отечественной историографии зарубежные ученые намного раньше пришли к антропологическому подходу по вопросам изучения женской истории). Авторы статьи сочли необходимым четче обозначить успехи зарубежных авторов в изучении советской женской истории 1960-х гг., равно как спорные оценки и перспективы изучения. Рассмотренные хронологически последовательно оценки советского быта в публикациях англоязычных авторов обнаружили свою сильную зависимость от американской модели повседневности соответствующего периода. Система потребления и социальная защита населения, резко выросшие после Второй мировой войны в западных странах, стали тем идеалом, на который ориентировались исследователи всю вторую половину XX в. при рассмотрении данного вопроса. В таком сравнении советский женский быт в условиях постоянного дефицита товаров и услуг, а также других проблем и недостатков советской экономической модели всегда выглядел проигрышным. В 2000-е гг. идеальная модель американской повседневности, с которой ученые напрямую не сравнивали женскую повседневность в СССР, но которая между строк проявлялась в качестве эталона, оказалась несколько потеснена желанием позитивно оценить достижения советской социальной политики и того выигрыша, который она предоставила женщинам.

Ключевые слова: быт, повседневность, женская история, гендерный подход, оттепель, Хрущев, СССР, Холодная война, потребление.

Сведения об авторах: *Пушкарева Н. Л.* — д-р ист. наук, проф., Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); pushkarev@mail.ru | *Жидченко А. В.* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); zhidchenko220689@yandex.ru

Институт этнологии и антропологии РАН, Россия, 119334, Москва, Ленинский пр., 32а

FOR CITATION

Pushkareva N. L., Zhidchenko A. V. 'Soviet Women in the Years of the "Khrushchev's Thaw" in English Language Publications', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 3, 2021, pp. 776–791. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.313> (In Russian)

Abstract: The article assesses the results of studies of everyday lives of Soviet women in the 1950s–1960s in Anglo-American historiography, in which a problematic field has developed with its own boundaries, plots and search tasks, and a well-established range of sources. The peculiarity of Western scholars' views of this issue were of considerable importance for biographical interviews, the stories of women who remember that time. (In contrast to Russian historiography, foreign scholars used an anthropological approach to study women's history much earlier.) The authors define more clearly the successes of foreign scholars in the study of Soviet women's history in the 1960s, as well as controversial assessments and prospects. Considered chronologically and sequentially, the assessments of Soviet life in the publications of English-speaking scholars revealed their strong dependence on the American model of everyday life for the corresponding period. The consumption system and social protection of the population, which grew sharply after the Second World War in Western countries, became the ideal that guided these scholars during the entire second half of the twentieth century. In such a comparison, Soviet women's lives in conditions of constant deficits of goods and services, as well as other problems and shortcomings of the Soviet economic model, always seemed to be a losing battle. In the 2000s, this ideal model of American everyday life, with which scholars did not directly compare women's everyday lives in the USSR, but which between the lines manifested itself as a standard, turned out to be somewhat squeezed by the desire to positively evaluate the achievements of Soviet social policy and the gains that it provided for women.

Keywords: everyday life, women's history, gender approach, Khrushchev, thaw, USSR, Cold War, consumption.

This research was supported by Program of Research & Scientific Work of the Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Program "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity".

Authors: *Pushkareva N. L.* — Dr. Sci. in History, Professor, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); pushkarev@mail.ru | *Zhidchenko A. V.* — PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); zhidchenko220689@yandex.ru

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, 32a, Leninskiy pr., Moscow, 119334, Russia

References:

- Ashwin S., Lytkina T. 'Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization', *Gender & Society*, 18 (2), 2004.
- Attwood L. *Gender and housing in Soviet Russia: private life in a public space* (Manchester, 2010).
- Attwood L. *The new Soviet man and woman: sex-role socialization in the USSR* (Bloomington, 1990).
- Attwood L. 'Hearing a Woman's Voice: Female Perspectives on Change in Russia and the Former Soviet Union', *Journal of Women's History*, no. 2, 1996.
- Bolshakova O. V., Pushkareva N. L. 'Gender studies of the Russian twentieth century through the eyes of modern English-speaking authors', *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 65, iss. 1, 2020. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.119> (In Russian)
- Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia* (Harvard University Press, 1994).
- Brown D. *Role and Status of Women in the Soviet Union* (New York, 1968).
- Browning G. *Soviet politics — where are the women? Soviet Sisterhood* (London, 1985).
- Brusilovskaia L. 'The Culture of Everyday Life During the Thaw', *Russian Studies in History*, vol. 48 (1), 2009.
- Buckley M. *Soviet social scientists talking: an official debate about women* (Houndmills — Basingstoke — Hampshire, 1986).
- Carlbäck H. 'Women — Wives or Workers? Discourses and Practices in Sweden and Soviet Russia in the 1960s' in *Gender, Equality and Difference: From State Socialism to the Postsocialist Era*, Ed. Rebecca Kay (Glasgow and London, 2009).
- Ch. Chatterjee, Ransel D. L. (eds) *Everyday Life in Russia Past and Present* (Bloomington, 2010).

- Cohn E. 'Sex and the Married Communist: Family Troubles, Marital Infidelity, and Party Discipline', *The Russian Review*, 68 (3), 2009.
- Collier K. S. *Evolving Ivans and Static Soviet Women: The Gender Dichotomy in Film Portrayals of Russian Men and Women in Western Films (1939–2010)* [MA Thesis] (New York, 2011).
- Du Plessix Gray F. *Soviet Women* (New York, 1990).
- Engel B. *Women in Russia, 1700–2000* (Cambridge, 2004).
- Engel B. Posadskaya-Vanderbeck A. *A revolution of their own: voices of women in Soviet history* (Oxford, 1998).
- Field D. A. 'Irreconcilable Differences: Divorce and Conceptions of Private Life in the Khrushchev Era', *The Russian Review*, vol. 57 (4), 1998.
- Filtzer D. *Soviet Workers and De-Stalinization. The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations 1953–1964* (Cambridge, 1992).
- Gasiorska X., Żytomska X. *Women in Soviet Fiction, 1917–1964* (Madison, 1968).
- Gradska Y. *Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s* [PhD Dissertation] (Stockholm, 2007).
- Hansman B. *Images of America* (Arcadia Publishing, 2017).
- Harris S. *Moving to the Separate Apartment: Building, Distributing, Furnishing, and Living in Urban Housing in Soviet Russia, 1950s–1960s* [PhD Dissertation] (Chicago, 2003).
- Ilić M., Reid S., Attwood L. *Women in the Khrushchev era* (Basingstoke, N. Y., 2004).
- Ilić M., Smith J. *Soviet state and society under Nikita Khrushchev* (London — New York, 2009).
- Kelly C. *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin* (Oxford, 2001).
- Kolchevska N. 'Angels in the Home and at Work: Russian Women in the Khrushchev Years', *Women's Studies Quarterly*, vol. 33, 2005.
- Reid S. 'The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution', *Journal of Contemporary History*, vol. 40 (2), 2005.
- Lakhtikova A. 'Emancipation and Domesticity: Decoding Personal Manuscript Cookbooks from the Soviet Union', *Gastronomica*, 17 (4), 2017.
- Lapidus G. W. *Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change* (Berkeley, 1978).
- Leykin I. 'Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life after Stalin by Steven Harris', *Anthropology of East Europe Review*, vol. 32, no. 1, 2014.
- Liljeström M. 'Monitored Selves: Soviet Women's Autobiographical Texts in the Khrushchev Era' in Ilić M., Reid S., Attwood L. *Women in the Khrushchev era* (Basingstoke, N. Y., 2004).
- Logunov A. 'Transformation of the image of Russian historical science in the mid-90s', *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, 2009. (In Russian)
- Moses J. C. 'The Politics of Female Labor in the Soviet Union', *Western Societies Program Occasional Paper*, no. 10, 1978.
- Nehemiah C. *Welfare policy in the Soviet Union: a study in regional policy-making* (Ohio, 1976).
- Pohl M. 'Women and Girls in the Virgin Lands' in Ilić M., Reid S., Attwood L. *Women in the Khrushchev era* (Basingstoke, N. Y., 2004).
- Pushkareva N. L. 'History of Everyday Life: An Interdisciplinary Approach', *Anthropological Forum*, iss. 14, 2011. (In Russian)
- Reid S. 'Cold War binaries and the culture of consumption in the late Soviet home', *Journal of Historical Research in Marketing*, vol. 8, iss. 1, 2016.
- Reid S. 'Communist Comfort: Socialist Modernism and the Making of Cosy Homes in the Khrushchev Era', *Gender & History*, vol. 21, iss. 3, 2009.
- Reid S. 'Khrushchev Modern. Agency and modernization in the Soviet home', *Cahiers du monde russe*, vol. 47, no. 1, 2006.
- Reid S. 'The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution', *Journal of Contemporary History*, vol. 40 (2), 2005.
- Reid S. E. 'Cold War in the Kitchen: Gender and the De-Stalinization of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev', *Slavic Review*, vol. 61, 2002.
- Reid S. E. *Everyday life not a private matter: the introduction of modern taste into family life, Family ties. Models for assembly* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Ruthchild R. *Women in Russia and the Soviet Union: an annotated bibliography* (New York, 1993).

Seasoned Socialism: Gender and Food in Late Soviet Everyday Life, Ed. by Anastasia Lakhtikova, Angela Brintlinger (Indiana, 2019).

Smith H. *The Russians* (New York, 1976).

Smith M. B. *Property of communists: the urban housing program from Stalin to Khrushchev* (DeKalb, 2010).

Stiazhkina E. 'The "Petty-Bourgeois Woman" and the "Soulless Philistine" Gendered Aspects of the History of Soviet Everyday Life from the Mid-1960s to the Mid-1980s', *Russian studies in history*, vol. 51, iss. 2, 2012.

Sutcliffe B. M. *Engendering byt: Russian women's writing and everyday life from I. Grekova to Liudmila Ulitskaia* [MA Thesis] (Pittsburgh, 1999).

Varga-Harris C. 'Homemaking and the Aesthetic and Moral Perimeters of the Soviet Home During the Khrushchev Era', *Journal of social history*, vol. 41, iss. 3, 2008.

Varga-Harris C. *Stories of house and home: Soviet apartment life during the Khrushchev years* (Ithaca — London, 2015).

Yale R. 'The 1959 Kitchen Debate (or, how cultural exchanges changed the Soviet Union)', *Russian Life*, vol. 52 (4), 2009.

Zherebkina I. *Gender 90s, or Phallus does not exist* (St. Petersburg, 2003). (In Russian)

Received: December 6, 2020

Accepted: May 10, 2021